

Заключение

«Бог и человек были неразлучными спутниками. Однажды Бог спросил человека: «Отчего бы тебе не прогуляться немного по Земле, чтобы у нас появились новые темы для разговоров?»»

Начало малагасийской сказки [202]

Я начал с утверждения, что мир семнадцатого и восемнадцатого столетий отмечен более широким брожением умов, чем мы обычно себе представляем. То, что мы называем «просветительской мыслью», в полной мере расцвело, пожалуй, в таких городах, как Париж, Эдинбург, Кёнигсберг и Филадельфия; но это было порождением бесед, споров и социальных экспериментов, которые охватили весь мир. Морское сообщество Атлантического, Тихого и Индийского океанов играло во всём этом особую роль, поскольку именно на борту судов и в портовых городах должны были разгораться самые оживленные беседы. Конечно, девяносто девять процентов из них утрачено для нас навсегда. Находились ли на самом деле пираты (как предполагает Кристофер Хилл), обосновавшиеся в бухте Рантер в 1720 году, под влиянием опубликованного в 1649 году сочинения рантера Абизера Коппа «Огненный летящий свиток»? Мы не знаем, как это выяснить. Были ли на самом деле зафибрагим, приветствовавшие первых пиратов на острове Сент-Мари, потомками йеменских иудеев, как утверждали? Действительно ли представления о божественном на побережье испытали влияние исламского извода гностицизма? Мы никогда этого не узнаем. Но наше незнание касается лишь частных случаев; у нас есть все основания полагать, что люди, предметы и идеи с просторов Индийского океана и из-за его пределов регулярно достигали Мадагаскара; и что остров долгое время был просто местом, где политическим беженцам, религиозным диссидентам, авантюристам и чудачкам всех мастей вероятнее всего было обрести убежище, и что они – если судить по последующей истории Мадагаскара – не упустили свой шанс.

Прибывшие на Мадагаскар провели немало времени в беседах с людьми, которые там уже проживали. С большой уверенностью это можно предположить не только потому, что разговоры всегда и везде были одной из главных форм человеческой деятельности – ведь все люди на протяжении всей своей истории делят время между работой, играми, отдыхом и обсуждением разных вещей друг с другом, но и потому, что на Мадагаскаре искусство беседы пользуется особым почетом. «У этого чудного народа, – отмечал Мейёр, – любителей новостей, для которых время – ничто, всё – материал для кабари» [203]. Здесь в значительной степени существует преемственность между формальными собраниями и повседневными встречами членов семейства или друзей. Дискуссии, споры, остроумие, рассказы и элегантная риторика – вот, по сути, то, что любой может или должен найти привлекательным в их культуре. И всё это действительно часто располагает иностранцев, владеющих языком в достаточной мере, чтобы понимать, о чем идет речь.

В 1729 году в Лондоне появилась в свет книга под заглавием «Мадагаскар, или Дневник Роберта Друри за пятнадцать лет плена на этом острове» – история британского юнги, который якобы потерпел кораблекрушение у южных берегов Мадагаскара и провел здесь в рабстве немалое время. Долго спорили историки о том, была ли то фальсификация или нет. Кто-то даже утверждал, что истинным автором книги был Даниель Дефо. Наконец, археолог Майк Паркер Пирсон [204] решил вопрос окончательно, показав, что многие детали географического плана описаны слишком точно: знать о них, скорее всего, не мог тот, кто не жил сам в этой части Мадагаскара. Что касается меня, то я прочел эту книгу вскоре после возвращения с Мадагаскара в 1991 году и ничуть не сомневался в ее подлинности, отметив для себя, что автор, описывая привлекательность своей малагасийской жены, многозначительно упомянул об их «приятных беседах» [205] и о разочаровании, охватившем им по возвращении домой, когда он обнаружил, что беседовать с европейскими женщинами далеко не так интересно [206]. Это показалось мне деталями не того рода, что мог выдумать английский автор, никогда не бывавший на Мадагаскаре. Я же мгновенно испытал чувство узнавания. На Мадагаскаре сексуальное очарование и искусство поддерживать разговор, кажется, тесно переплетены; то и другое считается свойствами, делающими привлекательной местную культуру.

Всё это важно, поскольку истоки малагасийской культуры в чем-то остаются загадкой. Когда-то считалось, что остров был заселен единой популяцией крестьян из Борнео, занимающихся переложным земледелием, которые распространились по острову и постепенно включали более поздние волны эмигрантов из Африки. Археология [207] выявляет сегодня гораздо более сложную картину. Как представляется теперь, вместо единого гомогенного населения, которое в дальнейшем распространялось и дифференцировалось, Мадагаскар изначально заселило множество различных групп, не имевших почти ничего общего – малайские торговцы и их прислуга, горожане, говорившие на суахили, скотоводы из Восточной Африки, мигранты всех сортов и беглые рабы; предполагается также, что в продолжение первых веков их обитания на острове они жили в основном обособленно друг от друга и ни в коей мере не составляли единого общества. В какой-то момент, вероятно, около одиннадцатого или двенадцатого веков нашей эры, своего рода синтез всё же произошел, при этом в основном сложились и начали распространяться по всему острову образцы и формы, ныне характерные для того, что мы считаем малагасийской культурой. Эта новая культурная сеть оказалась удивительно удачной. В течение нескольких столетий мы видим ситуацию, не похожую на нынешнюю: огромный остров с бесконечным множеством экосистем, население которого почти поголовно говорит на вариациях одного и того же языка, пересказывает вариации одних и тех же историй, отправляет вариации в целом одних и тех же связанных с жизненным циклом ритуалов, в остальном осуществляя тысячи локальных конкретизаций общей узнаваемой культурной сети. Мы не представляем себе, как это стало возможным. Очевидно, это не было результатом некоего сознательного политического плана или, по крайней мере, политического плана, спущенного сверху: в распоряжении ни у одного из правителей не было в то время каких-либо средств для объединения острова, не говоря уже о внедрении единой культуры для его народов. Похоже, пожалуй, что в основе этого лежало широкое отвержение этоса – придворной жизни и монотеистических богослужений – урбанизированных портовых городков [208]. Чтобы быть малагасийцем тогда, как и теперь, вероятно, требовалось ясное отрицание обычаев моряков-чужеземцев. Мы не знаем, как эта

новая культурная сеть охватила почти каждого, кто проживал на острове, протянувшемся на тысячу миль, однако как бы это ни произошло, сексу и общению должна была принадлежать в этом центральная роль.

Так остается и поныне. На протяжении, вероятно, тысячи лет иноземцы прибывали на Мадагаскар и фактически поглощались местным населением. Не все. Иные лишь гостили и уезжали; другие образовывали где-то в сторонке маленькие этнические группы вроде анталаутра. Однако огромное большинство стали малагасийцами, и потомков их, как правило, не отличить друг от друга. Опять же, историческую динамику, посредством которой это произошло, мы не вполне разумеем. Мигранты, к примеру, играли, видимо, ключевую роль в создании того, что на Мадагаскаре называется «этническими группами» – но не таким образом, как можно было думать. Так как диалектные вариации в пределах острова незначительны, различия между группами обычно либо обозначаются географически («люди песка», «жители лесов», «рыбаки» и т. д.), либо касаются популяций, обособляющих себя среди иных специфических прослоек внутренних чужаков – вроде, скажем, королей-жрецов антемуру, утверждавших, что они мусульмане, несмотря даже на то, что у них не было Корана, а были лишь магические тексты на малагасийском, записанные арабской вязью, или династий авантюристов, основавших «королевства» сакалава Буйну и Менабе [209]. Эти группы всегда считались чужими среди тех, кто становился народом посредством обособления: все те, кто служил династии зафимбуламена, начали считать себя сакалава, даже если в каждый отдельный период истории они распадались на множество малых королевств и даже если правители их были не из сакалава; все те, кто жили по соседству с занамалата и противопоставляли себя им, видели себя бецимисарака, даже если сами занамалата бецимисарака не были.

Настоящая Либерталия II. Конфедерация бецимисарака

Из-за всего этого Мадагаскар может показаться местом, едва ли подходящим для политических экспериментов эпохи Просвещения. То обстоятельство, что столь многие чужеземцы соблазнились и были включены этой формирующейся малагасийской культурой – культурой, носители которой по сей день гордятся ее привлекательностью, не должно приводить нас к убеждению, что сеть эта попросту стирала все различия, с которыми встречалась. Малагасийские общины оставались по-своему исключительно космополитичными. Мы знаем, что люди со всего Индийского океана, от берегов Явы до Омана, посещали Мадагаскар и, следовательно, должны были вести обстоятельные беседы с теми, кого там встречали, равно как малагасийцы по возвращении из путешествий. Содержание этих бесед, конечно, для нас утеряно навсегда. В лучшем случае от них сохраняются лишь самые неясные, неопределенные следы. По большей же части у нас нет и того. Нам известно лишь, что они должны были иметь место.

В действительности в этой книге я лишь старался переосмыслить в свете подобных соображений историю пиратов на Мадагаскаре и возникновение Конфедерации

бецимисарака. Пираты окружали свои корабли легендами о дерзости и жестокости – эти легенды, можно сказать, вооружали и обороняли их, однако на борту дела велись, похоже, в атмосфере диалога, дискуссии и споров. Поселения вроде Сент-Мари (в особенности же Амбонавулы) были, видимо, сознательной попыткой воспроизвести эту модель на суше – под аккомпанемент наводящих ужас рассказов о пиратских царствах, призванных устрашать потенциальных иноземных друзей или врагов, и при тщательной разработке эгалитарных совещательных процессов на деле. Между тем сам процесс расселения пиратов, заключения союзов с честолюбивыми малагасийскими женщинами, создания семей вовлекал их в совершенно иной мир диалога. В этом, как я утверждаю, заключается истинное значение историй о малагасийских князях, соблазвивших пиратов сойти на берег посредством любовной магии (оди фития): оказаться вовлеченным в жизнь малагасийской общины неизбежно означает оказаться в стихии бесконечных дискуссий, рассуждений и споров относительно скрытых сил и намерений; решающее слово в этой новой дискурсивной вселенной очевидно было за местными женщинами. (И, как показал Мервин Браун, само собой разумеется, стоило кому-либо из пиратов от стихии диалога обратиться к прямому насилию, не так уж сложно было лишить его жизненных сил).

Многих малагасийцев-мужчин, в свою очередь, это привело к стремлению создать свой собственный закрытый круг общения: великое кабари, от участия в котором они попытались полностью устранить женщин. Как я уже подчеркивал, в действительности мы не знаем, кто были эти мужчины, не знаем их имен и биографий. Основной движущей силой, судя по всему, были люди молодые, но осведомленные относительно жизни в большом мире. Некоторым довелось побывать в Лондоне и Бомбее. Многие говорили, хотя бы с трудом, по-французски или по-английски, другие поверхностно владели другими языками (арабским, суахили и пр.). Иные могли быть и грамотны. В одном мы можем быть уверены: большинство из них немало времени провели в беседах с буканьерами, активными или отошедшими от дел, которые рассказывали им всяческие истории, с которыми они обсуждали человеческие мотивы, обменивались взглядами на деньги, закон, любовь, политику и официальную религию. У них также были богатые возможности наблюдать за обычаями и поступками пиратов и сравнивать их с другими, более привычными. Архитектура конфедерации с мнимым автократом во главе, который в действительности мог отдавать приказы лишь на поле боя, с клятвами и демократическими процедурами принятия решений, заимствованными у пиратов – всё это происходило главным образом из этих бесед.

Подобно собственным экспериментам пиратов – поселениям вроде Амбонавулы, Конфедерация бецимисарака была создана, по крайней мере отчасти, чтобы удивлять чужаков. Стоит только обратиться к хронологической канве, приведенной ниже в таблице. Формирование союза в точности соответствует моменту, когда пиратские царства и пиратские утопии в действительности служили темами самых горячих дискуссий во Франции и в Англии. Впервые коалиция появилась в том самом 1712 году, когда в Лондоне состоялась премьера пьесы Чарльза Джонсона «Удачливый пират» – фантазии о команде Джона Эвери, основывающей на Мадагаскаре королевство: согласно распространенному мнению, в этом драматическом произведении на суд широкой аудитории впервые представлены протопросветительские идеи Гоббса и Локка о происхождении монархии. Войны завершились в 1720 году – в тот год, когда Даниель Дефо выпустил свою книгу об Эвери, и за год до того, как Монтескье опубликовал свои «Персидские письма», которые считаются первым крупным произведением французской просветительской мысли. Именно в

то самое время, когда шли эти войны, посланники пиратов (или люди, претендующие на эту роль) посещали дворы коронованных особ Европы в поиске союзников. Было ли всё это темой пересудов по всей Европе? Разумеется, было. Следует также иметь в виду, что как интеллектуальное движение Просвещение было уникальным образом связано с культурой диалога; это справедливо в отношении не только салонов и кофеен, где зарождались его идеи, но также и для порожденного им литературного стиля (в особенности во Франции) – остроумного, легкого, разговорного, словно обусловленного верой в то, что все неразрешимые социальные и интеллектуальные проблемы могут испариться в лучах чистого света интеллектуальной дискуссии. Обсуждались ли королевства и утопии пиратов в салонах Парижа при Людовике XV? Трудно представить, что нет, поскольку в то время о них говорили буквально повсюду. Как эти разговоры повлияли на те революционные выводы, к которым пришли некоторые из посещавших эти салоны, относительно природы свободы, власти, независимости и «Народа»? Можно лишь строить догадки. На страницах этой книги я лишь старался обозначить, что до сего дня мы даже не задавались подобными вопросами. Мы сконструировали язык теории, который делает это практически невозможным. Но если, как я предположил уже однажды [210], политическое действие всего лучше определить как действие, оказывающее влияние на других, по крайней мере некоторые из которых не присутствуют в это время – оказывающее влияние, будучи темой для обсуждения и пересказа, для песен, произведений живописи или литературы, или представления каким-то иным образом – то пираты, женщины-торговки и мпандзаки с северо-восточного побережья Мадагаскара конца восемнадцатого века были политическими деятелями мирового уровня в самом прямом смысле слова.

Версия #1

Зверобой создал 9 февраля 2026 00:24:43

Зверобой обновил 9 февраля 2026 00:25:40